

Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия

У Алексея Варламова не совсем понятная (с моей точки зрения) писательская судьба. Его много хвалили за те вещи, которые я люблю меньше, почти не заметили тех текстов, которые мне очень понравились; все очень обрадовались, какие замечательные биографии начал выдавать Варламов в «Молодой гвардии» (легендарная серия ЖЗЛ), но теперь ни критики, ни сам писатель не могут разобраться: к добру ли случился уход отличного мастера художественной прозы в нон-фикшн, или не к добру.

На мой вкус, Алексей Варламов, со всем своим уже отменным литературным багажом (десяток вполне объемных книг и почти столько же премий), является одним из... да нет, пожалуй, самым разносторонним автором в современной прозе. Он многое умеет и не боится ошибаться.

Варламов такой, как мне кажется, трудяга. Да и в биографиях, сделанных Варламовым (хоть Пришвина, хоть Алексея Толстого), нет-нет, но вдруг и почувствуется, что тут Алексей хоть и о классиках писал, но при этом немножко и «про себя».

Про себя - неутомимого работника, про себя - по-хорошему любопытствующего и интересующегося жизнью человека, про себя - литератора, вовсе не чуждающегося славы, но старающегося избегать искушений... Ну и так далее. Если подряд или попеременно читать прозу Варламова, а потом его книжки о писателях из серии «ЖЗЛ» - и сами всё это заметите.

- Алексей, расскажи о себе. Где родился, как учился, родители, жены, дети, пути-дорожки – вплоть до первой книжки, которая вышла у тебя, если мне память не врет, в 1990 году, когда было Алексею Варламову 27 лет...

- Родился в 1963 году в Москве, в роддоме на Крестьянской заставе. Детство и отрочество прошло в Пролетарском районе. А родители были интеллигентами своего времени: папа работал цензором в газете «Правда», мама – учительницей русского языка и литературы в средней школе. Жена у меня вопреки совету, который писатель Алексей Толстой дал писателю Михаилу Булгакову, жениться не менее трех раз - одна, детей двое. Учился сначала в английской спецшколе, которую тихо ненавидел за то, что там меня «подавляли» как личность, а потом поступил в МГУ на филологический факультет, к которому привязан по сей день, хотя иногда жалею, что не стал биологом или географом. Но университет дал мне очень много, и не будь его, ничего бы из меня не вышло. Напечатался я первый раз 20 лет назад, в декабрьском номере журнала «Октябрь» за 1987 год в рубрике «новые имена». Первая книжка действительно была опубликована в 1990-м, очень тоненькая, на плохой бумаге, но зато тиражом, который мне с тех пор и не снился – 75000.

- Если я не ошибаюсь, у тебя вышло несколько сборников рассказов и повестей, пять романов и на подходе четвертая книга в серии ЖЗЛ. Думаю, что собрание сочинение Алексея Варламова уже десяток томов наберет. Ты ощущаешь себя плодовитым автором? Вообще тебе легко работается? Есть такое понятие – вдохновение? Или его придумали бездельники?

- У меня вышло пять книг прозы и четыре книги в серии «ЖЗЛ». Две книги прозы появятся в скором будущем, еще одна выйдет в «ЖЗЛ» - о Михаиле Булгакове. Действительно может показаться, что это много. Но... а что еще в жизни делать, если не писать? Мне тоскливо живется, когда нет никакой вещи в работе. А пишешь, и в жизни появляется содержание, смысл, оправдание, наконец. Что до вдохновения, то для меня это такой момент, когда начинаешь понимать, что не ты книгу пишешь, а она сама себя пишет. Ну как будто попадаешь на ту территорию, где тебя берут за руку и ведут. Так что вдохновения не надо ждать, а надо - хочешь-не хочешь - садиться за стол, нудить себя, заставляя, и тогда в награду это ощущение легкости, стремительности, когда рука не поспевает за мыслью, придет. Правда, часто случается, что наутро перечтешь это свое «вдохновение» и за голову схватишься, но ничего... садись, пиши опять.

- Давай расскажем, как ты расцениваешь каждый свой роман – что там удалось, что нет. Осмысленно ли менял ты жанровые рамки, стилистику? Будут ли новые романы?

- Я стараюсь не оглядываться назад и не привык себя оценивать. Но если задуматься над каждым из моих романов... Первым был «Лох», он многим моим читателям нравится, и я его выделяю для себя особо. Я писал его в трудные годы, когда дома буквально нечего было есть, долго не мог нигде пристроить, а потом получил за него премию от «Октября». Там же, в «Октябре», напечатал еще два романа - «Затонувший ковчег» и «Купол», и вместе с «Лохом» они в моем понимании образовали некую трилогию 90-х о русской жизни, о ее вирусах, уязвимых местах. Иногда, впрочем, мне кажется, что у меня не совсем романное мышление, дыхание, а скорее – «повестное», «рассказовое». И быть может я лучше высказал себя в повестях «Здравствуй, князь!», «Рождение», «Дом в деревне». Но когда я писал романы, мне было интересно. Потом был еще роман «Купавна», опубликованный в 2000-м году в «Новом мире», очень личный, автобиографический, не слишком стройный, неровный, композиционно рыхлый, и если бы я имел привычку переделывать свои вещи, я бы там сейчас кое-что подправил, но эта река уже утекла. И, наконец, последним на сегодняшний день стал роман «Одиннадцатое сентября» (он вышел в журнале «Москва» в 2003 году, а затем отдельным изданием в питерской «Астрели») с напряженным, острым сюжетом, который многие ругали и, наверное, за дело, но мне важно было эту книгу написать. В этом смысле я вообще полагаю, что писатель пишет не то, что он хочет, а то, что ему положено. Так что и новый роман, если суждено, напишу. А нет, значит, нет.

- По поводу ЖЗЛ. Во-первых, критик Владимир Бондаренко уже как-то шутил (с очевидной долей серьезности), что «Молодая гвардия» уворовала у русской литературы отличного реалиста, настоящего художника. Ты сам что об этом думаешь? И отчего именно такой выбор – Пришвин, Алексей Толстой, Михаил Булгаков? Можешь кратко сформулировать своё отношение к этим писателям? Какие задачи ты ставил перед собой, берясь за их жизнеописания? Кого бы ты еще хотел написать? И кого уже написали до тебя - а ты, к примеру, видишь чью-то написанную биографию иначе, и хотел бы своё видение дать.

- Я полагаю, что насчет «уворовала», Бондаренко вовсе не шутил. И для меня это, конечно, тоже было предметом определенных раздумий. Но помимо уже высказанного соображения «о чем писать, на то не наша воля», сочинение книг для серии «ЖЗЛ» оказалось увлекательным делом. Этот жанр позволяет искать и иногда находить ответ на вопрос, который меня как писателя и как человека чрезвычайно занимает: отчего так, а не иначе складываются человеческие судьбы? Как соотносятся Божий Промысел, предопределение и судьба? Где проходит реальная граница свободы человека и

насколько он властен в своем жизненном выборе? Что он может противопоставить силе обстоятельств, истории, времени? Выбор героев при этом не так важен – интересна любая жизнь, каждая замечательна и достойна описания – это еще Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени» заметил. Но жизнь писателей особенно наглядна и неслучайна.

Пришвин меня поразили своим дневником. Такого глубокого, вдумчивого, подробного анализа русской жизни, такого изображения истории в лицах и повседневных событиях я не встречал ни у кого из его современников. Даже у Бунина. Александр Грин, Алексей Толстой и Михаил Булгаков были предложены мне издательством, этот ряд может показаться случайным, но как бы ни были различны судьбы всех моих героев, их объединяет одна важная черта: они были современниками, и через их жизненные пути, их книги, их поступки, можно понять, что же произошло с Россией в самый трагический момент ее истории. А с точки зрения истории литературы – все это Серебряный век, опрокинутый в советское время. Бросили и сказали: выживай. Вот о том, как они жили до и после революции, я и написал.

Что касается моего отношения к ним. Пришвин был умница и счастливчик, его жизнь – изумительный пример жизнотворчества, ему удалось то, чего не удалось в Серебряном веке никому. О жизнотворчестве много толковали, но никто не сумел воплотить эту установку так, как он. Грин, напротив, фигура очень трагическая и несчастная. Жизнотворчество наоборот. Станный росток на русской почве, человек, свою жизнь сознательно сжегший, но так, что многие погрелись и греются у этого огня. Алексей Толстой – русский Рет Батлер и Скарлетт О’Хара в одном лице. «Никогда моя семья не будет голодать», и – не голодала. Пример поразительной живучести русского человека, национальная идея нашей истории во плоти. И, наконец, Булгаков – как закалялась... только не сталь, нет, а какое-то другое вещество, некий чудесный сплав. История о том, что нужно сделать с человеком, через какие соблазны, искушения, испытания заставить его пройти, чтобы он написал свои книги. Вот мои писатели, в которых было щедро намешано и дурное и хорошее.

Написал я также о Григории Распутине, без уяснения роли которого непонятна, на мой взгляд, русская смута нового времени и те люди, которые были в эту смуту вовлечены. Получилось не столько о Распутине, сколько лексикон того времени, справочник эпохи.

А о ком бы я еще хотел написать? Об Иоанне Кронштадтском. Но не житие, а жизнь, и не только его жизнь, но и ту, что кипела вокруг него. Что же касается жэзэловских книг уже написанных и не совсем меня удовлетворивших... В «ЖЗЛ» за последние несколько лет вышли два «Бунина» – Рощина и Бабореки. Оба по-своему замечательны, но я бы хотел прочитать и третьего, потому что Бунин – тема неисчерпаемая. Очень хотелось бы иметь глубокую, а не поверхностную, не облегченную книгу о Розанове. К сожалению, до сих пор не написан ни в «ЖЗЛ», ни в какой другой биографической серии самый великий русский писатель XX века – Андрей Платонов. Нет у нас пока биографии Леонида Леонова.

- Как, кстати, ты оцениваешь «Пастернака» от Быкова и «Горького» от Басинского?

- Быков написал книгу местами блестящую, местами довольно скучную. Первого, к счастью, больше. Но я бы ее все-таки подсократил, хотя в целом она, конечно, хороша, и я думаю, Пастернак остался бы своей биографией доволен. А вот «Горький» при всех своих несомненных достоинствах (а это очень умная, точная, интонационно выдержанная книга) наоборот оставляет ощущение некой неполноты, незавершенности, недосказанности. Это хорошо для романа, но для биографии не очень. Басинский мог бы

чуть более подробно написать и про личную жизнь своего героя, и про советское время, однако он сам не захотел это делать. Что ж, его право. В целом, что говорить, эти две книги и плюс я прибавил бы к ним предельно маленькую, сухую, но очень дельную, отлично сработанную биографию Мандельштама Олега Лекманова – на мой взгляд, лучшее, что появилось в серии «ЖЗЛ» в рейтинге писательских биографий за последние годы. И заметь, все три очень разные.

- Вот помянутый Басинский писал о тебе, мол, Варламов, «пишет осторожно, сдержанно, как будто «на пробу». Есть в его прозе неистребимая черта ученичества». Как ты расцениваешь его оценку? Или она уже устарела? Или изначально была неверна?

- Павел Валерьевич Басинский - человек много читающий и гораздо более осведомленный о тайнах писательской жизни, чем я. Про неистребимое ученичество свое, о котором он, впрочем, написал много лет назад, ничего определенного сказать не могу, но точно знаю, что никогда не занимался ниспровержением авторитетов и старался писать аккуратно. Может быть, это кажется со стороны осторожностью и сдержанностью, но скорее идет от человеческой природы, а не от писательского расчета.

- Критика есть в современной литературе? У тебя как взаимоотношения с критиками? Мешают, помогают?

- Мои взаимоотношения с критикой складывались очень по-разному. И ругали, и хвалили. Но в любом случае я уверен, что оценка писателем писателя, важнее, чем оценка писателя критиком. Свои лучше понимают и точнее, зачастую жестче, но толковее определяют. Главное же, что я вынес из наблюдений за литературной жизнью: не бойся критика, тебя ругающего. Бойся того, кто хвалит. Бойся вообще этого положения дел, когда тебя обласкали. Сядешь на эту иглу - потом с нее не слезешь.

- Как ты воспринимаешь свой – назовем это пышно - литературный путь, литературную судьбу. Что удалось, что не удалось. Почему удалось и почему нет?

- Написать свои «Сто лет одиночества» не удалось. Но здесь вопрос не только к автору, но и к его судьбе. Книгу надо сначала прожить, как прожил я, например, прежде чем написал, «Рождение» или «Дом в деревне». Но одно могу сказать: я старался никогда не халтурить. Получалось по-разному, но ведь слабую вещь иногда труднее написать. А только не было бы неудачной, не было бы и удачной.

- Как ты оцениваешь роль толстых журналов в современном литпроцессе?

- Мне не хочется этого произносить, но очень боюсь, что они медленно сходят на нет и утраченные позиции едва ли вернут. Это грустно. С журналами связана большая часть моей литературной жизни. Я печатался в самых разных, сознательно пренебрегая идеологическими концептами – в «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Дружбе народов», «Роман-газете», «Гранях», «Москве», «Литературной учебе», «Смене»... Я с большим уважением к ним всем отношусь, но что поделать, если публика не хочет или не может подписываться так, как прежде. Только журналы все равно, я верю, нужны, и мы сами не понимаем, что теряем, с чем спокойно примиряемся, переключившись на книжный рынок.

- Знаю, что ты получил премию Лейпцигского литературного клуба *Lege Artis* «За лучший русский рассказ» - «Партизан Марыч и Великая Степь». Солидарен с теми

людьми, что премию тебе вручали – рассказ просто замечательный. Ты сам тоже считаешь его удачей? Есть у тебя вещи, которые критика, как тебе кажется, просмотрела? И как оцениваешь премиальные процессы – раз уж о них речь зашла. Они адекватны? Они влияют на литературные дела, на судьбу писателя?

- Спасибо на добром слове. Про удачу говорить ничего не стану. А насчет вещей, которые критика просмотрела? Думаю, что большинство моих текстов в «нулевые годы» - повествование в рассказах «Падчевары», рассказы «Присяга», «Все люди умеют плавать», повесть «Вальдес» в «Новом мире», подборка рассказов в «Октябре», - тут именно, что просмотрели: похвалить похвалили, поругать поругали, но разбираться, что там, о чем они, почему и зачем, всерьез никто не захотел. Может быть потому, что малая проза у нас вообще на обочине. А что касается премий, то в моей жизни они, конечно, сыграли свою роль. И «Антибукер» в 1995-м за «Рождение», и эта немецкая премия, и журнальные – «Смены», «Октября», «Роман-газеты», «Московского железнодорожника», наконец – Солженицынская. Я стараюсь относиться к ним трезво и не преувеличивать ни их значения в своей судьбе, ни своего в истории этих премий. А вообще с точки зрения интересов литературы премия как способ привлечь внимание общества к книге в наше телевизионное время – важна.

- О твоей литературной генеалогии. Откуда, на какой почве ты возрос? Любимые, в конце концов, книги.

- Возрос я на русской почве, и сколько себя помню в сознательном возрасте, всегда считал себя почвенником. Мне дорога русская идея, но, во-первых, без любых попыток соединить ее с идеей коммунистической, без какой-либо «ностальгии по СССР», периоду, который я считаю в целом враждебным по отношению к истории моего народа, а во-вторых, без истерического антисемитизма и поиска везде и всюду масонских заговоров и действия злонамеренных сил. Любимые книги... Если их начать перечислять, то это вся русская классика, но особенно Пушкин, Достоевский и Чехов, а в XX веке – Бунин, Платонов, Казаков, Шукшин, Домбровский, Астафьев, Венедикт Ерофеев. Из поэтов - прежде всего Рубцов. Но и западную литературу ставлю очень высоко. Вообще люблю книги как факт человеческого бытия.

- О современниках будем говорить, о старших учителях? Кто, на твой вкус, останется в литературе, кто исчезнет? Солженицын, Распутин, Искандер? Бондарев, Бакланов, Борис Васильев? Екимов, Личутин, Крупин? Битов, Маканин, Есин? Улицкая, Толстая, Петрушевская? Лимонов, Проханов, Поляков? Или у тебя иные ряды? Какие имена из перечисленных мной ты бы не назвал? Чьи я, быть может (наверняка), забыл назвать?

- Если я вдруг вздумаю сказать, что исчезнут Бондарев или Бакланов, Борис Васильев или Татьяна Толстая, во-первых, я их обижу. Во-вторых, откуда я знаю, что на самом деле произойдет? Лучше признаем очевидное: в литературе не исчезает никто. Как и в истории. У каждого свое место и своя роль, только не надо садиться на чужой стул. Среди тех, кого ты назвал, есть писатели мне более близкие (Распутин, например), есть более от меня далекие (Улицкая), но нет неписателей, и я думаю, за их читательское будущее опасаться не стоит.

Мне особенно дорог Солженицын, и даже не потому, что я получил от него премию, а потому, что в свое время его книги меня поразили. Не в советское, тогда я их не читал, негде мне было взять. А вот в перестройку, когда я прочел «Матренин двор», «Бодался теленок с дубом», эти вещи помогали в чрезвычайно мутную годину понять цену

истинной литературе и подлинному авторскому слову. Очень люблю Бориса Петровича Екимова, полагаю, что из современных, активно, постоянно пишущих авторов – это лучший писатель, причем, что важно, он, пожалуй, единственный в твоём списке, кто все время, фактически безвылазно живет не в Москве, и знает, а потому пишет нынешнюю русскую жизнь из глубины. А вообще расставлять писателя по рядам мне не по душе. Это товар штучный и здесь ценнее различия особенно между теми, кто на первый взгляд близок. Например, Екимов или не названный тобою Белов (очень его люблю) – скорее антиподы, притом, что оба числятся по ведомству деревенской прозы. Кого ты еще не назвал и кого я очень уважаю и как писателя, и как человека – это Леонида Ивановича Бородина.

- Безусловно, и Бородин, и Белов - это замечательные писатели, не спорю, не спорю. И литературой и судьбой своей, они всегда вызывали моё восхищение...

А у тебя чувства, что ты принадлежишь к какому-то литературному поколению? Что-то роднит вас – родившихся «неподалеку» (во времени, за одну «пятилетку») – Пелевина (62-й год), Варламова (63-ий год), Дмитрия Новикова (66-й), Дмитрия Быкова (67-ой год), Антона Уткина (тот же 67-й). Видишь, какие разные имена, да? Ничего общего – или что-то, всё-таки, можно найти? (Помимо того, что, на мой вкус, это именно тот ряд имен, что во многом определял литературный процесс в последнее десятилетие).

- Я свое поколение определяю так – Антон Уткин, Павел Басинский, Олег Павлов, Михаил Тарковский, Владислав Отрошенко, Борис Евсеев, Александр Яковлев, Светлана Василенко, Александр Кузнецов-Тулянин (автор замечательного романа «Язычник»), Андрей Волос. Пелевин для меня человек все же очень чужой. Дмитрий Быков во многом восхищает, но это тоже не совсем мой круг и образ жизни. Дмитрия Новикова, к сожалению, пока не читал.

- Можно ещё, к слову, вспомнить Андрея Геласимова вспомнить (65-ый) и Гришковца (опять 67-й год). Или это самое раздробленное поколение? Или ты другой бы ряд поколенческий выстроил?

- Геласимова и Гришковца тоже не читал, хотя с первым из них познакомился на книжном салоне в Женеве, а о Гришковце очень много хорошего слышал. Но что делать, физически не успеваю все читать. Правда, Прилепина прочел. Но в писательские поколения, равно как и в группы, союзы, объединения, партии – не слишком верю.

- Ты был визитинг-профессором в Айовском университете. Как тебе американские студенты? Что они знают о русской литературе? Чьи имена не знают вообще? Знают ли хоть одно современное имя?

- А в Америке я был не визитинг-профессором (это у Сергея Ивановича Чуприна в его словаре ошибка, там их, к сожалению, вообще много), а «writer-in-residence», писателем при университете, что куда интереснее.

Выглядело это так. Я жил с семьей в самом интеллигентном американском городе Айова-сити, у меня был кабинет в старинном офисе викторианского стиля, где мне рекомендовали всегда держать открытой дверь, но я ее закрывал, чтоб не мешали, и писал роман «Купол», в котором предугадал еще до событий в Югославии, как американцы будут бомбить непокорные им страны. А раз в неделю или две мне давали

карту штата, автомобиль и показывали то место, куда я должен ехать, чтобы встретиться с американскими колхозниками и поговорить с ними за жизнь.

По отличным дорогам самого срединного штата американского континента я ехал меж кукурузных полей и нетронутой степи в те края, где никогда не ступала нога русского человека, и встречался с людьми, которые никогда русских не видели. Это были вовсе не те американцы, которых можно найти в колледжах или университетах. Эти были настоящие, почвенники, свои люди. Мое общение с ними было как встреча двух цивилизаций. Разумеется, никаких современных русских писателей они не знали, да и зачем им? На том английском, какому научили меня в незабвенной спецшколе № 15 Пролетарского района, я рассказывал им о своей стране, о том, как в детстве меня пугали Америкой, что думаю про нее сейчас, они слушали внимательно, и я видел в их глазах одно – работающий детектор лжи. Им важно было понять, вру я или говорю правду, искренен с ними или нет. Все остальное не имело значения.

- Политические взгляды есть у тебя? Каковы они? Менялись ли они в 90-е, в последние годы?

- Я не занимаюсь политикой, не участвую ни в каких митингах и манифестациях, не состою в и не люблю ни одну из наших партий и вообще полагаю, что партийность в России – это большое зло с той поры, как сто с лишком лет назад она появилась. Но политические взгляды у меня, конечно, есть. Мне дорога государственная идея, но не сама по себе, а потому, что только сильное государство с ответственной властью обеспечит нам достойную жизнь. К сожалению, этого в России нет. Ни адекватной власти, ни тем более достойной жизни. Только надо быть реалистом и не ждать никакого чуда. Вот все ругают Горбачева и Ельцина. Но откуда в стране, которой последовательно управляли Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, возьмется свой Рузвельт или генерал де Голль? Мы, кажется, еще до сих пор до конца не осознаем, сколь ужасную рану нашему историческому бытию, нашему генофонду нанесла советская власть. Что до Путина, то у меня к нему отношение ровное и спокойное, не разделяю ни того массового обожания, ни той штучной ненависти, каковую к нему испытывают демос, охлос и различные элиты. Он, несомненно, на голову выше своих предшественников, за него не так стыдно, когда он куда-нибудь едет, он хороший профессионал, но, мне кажется, что за семь лет своего правления Путин много красиво и афористично говорил и гораздо меньше сделал именно как государственный деятель. Я не знаю всех подробностей, может быть, он был чем-то связан, я говорю о тех результатах, которые есть сегодня. Они скромны, хотя и все время раздуваются пропагандой, как кремлевской со знаком «плюс», так и оппозиционной со знаком «минус».

- Прогнозы есть: что с Россией будет, суждено ли ей выжить?

- Все в руке Божьей. Для меня несомненно, что все произошедшее с нашей страной в XX веке глубоко промыслительно, как, впрочем, и вся русская история, весь наш путь. Но Бога мы и наши отцы и деды прогневили куда сильнее, чем наши предки в 16 веке, посадившие на трон Бориса Годунова. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия.

- Нужно ли политикам слушать журналистов и писателей?

- Журналистов – нет, писателей – да (хотя в конце 80-х лучше б и их не слушали).

- Мечта?

- Написать свои «Сто лет одиночества». А вообще главное, чтоб все было с детьми хорошо.

Беседовал Захар Прилепин